

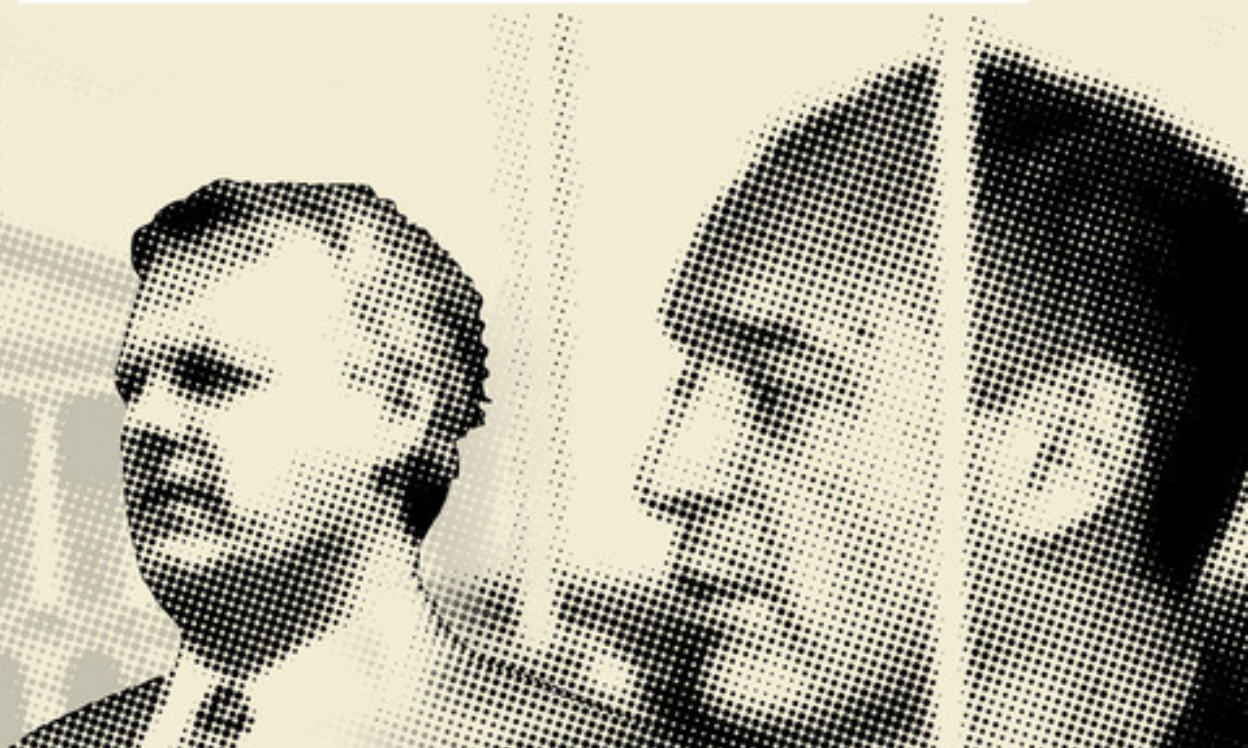
ЛЕГЕНДАРНЫЕ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ
МЕМОАРЫ

ПОСМЕРТНОЕ
ИЗДАНИЕ!

ЮРИЙ
ШУТОВ

**КРЁСТНЫЙ
ОТЕЦ**

ПИТЕРСКИХ

Легендарные политические мемуары

Юрий ШУТОВ

Крёстный отец «питерских»

«Алисторус»

2015

Шутов Ю. Т.

Крёстный отец «питерских» / Ю. Т. Шутов — «Алисторус», 2015 — (Легендарные политические мемуары)

В 2015 году в России отмечают две памятные даты, связанные с одним из «отцов» современной российской демократии, А.А. Собчаком: в феврале 15-я годовщина его смерти, в мае – 25-я годовщина начала его политической деятельности. В книге, представленной вашему вниманию, об Анатолии Собчаке рассказывает его помощник Юрий Шутов, который в первой половине 1990-х годов входил в «питерскую команду» Собчака, где, кстати, работал бок о бок и с Владимиром Путиным. Позже Ю. Шутов разошелся с «питерскими» и занял должность председателя Санкт-Петербургской комиссии Госдумы РФ по анализу итогов приватизации. В феврале 1999 года он был арестован, и, не смотря на то, что суд оправдал его, был вторично арестован прямо в зале заседаний и позже приговорен к пожизненному заключению. В декабре 2014 года Шутов умер в тюрьме для пожизненно осужденных «Белый лебедь». В книге Юрия Шутова рассказывается о том, как Анатолий Собчак (первый мэр Санкт-Петербурга) и его команда «ходили во власть». Автор раскрывает тайны закулисных политических интриг команды Собчака, показывает механизм обогащения «питерских» и систему взаимоотношений между ними. После прочтения книги становится понятно, почему «питерская команда» смогла занять все главные места в руководстве Россией.

© Шутов Ю. Т., 2015

© Алисторус, 2015

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Начало. 1990 год	9
Глава 2. Финал советской власти	15
Глава 3. Выбор идола	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Юрий Шутов

Крёстный отец «питерских»

© Шутов Ю.Т., 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

* * *

Посвящаю моей дорогой маме Анастасии Ивановне, от имени контрразведки «СМЕРШ» расписавшейся далекой весной 1945 года на стене рейхстага, опаленного окончательной победой над врагами, а сейчас, более полвека спустя, жутко недоумевающей, откуда они в виде разных Собчаков вновь взялись и разгромили нашу державу.

*Не Богу ты служил и не России...
Служил лишь суете своей...*

Предисловие

Автор этой книги Шутов Юрий Титович родился в Ленинграде более полувека назад. Закончил Кораблестроительный институт и несколько лет со старательским лотком золотоискателя бродил по Колыме и Чукотке.

Вернувшись в Ленинград, прошел трудовой дорогой от инженера до директора предприятия. Став одним из руководителей Ленинградского областного и городского статуправления, написал диссертацию по экономике, но защитить ее не успел, т. к. был арестован по вымышленному обвинению. Несколько лет провел в заключении, после чего суд его полностью оправдал и реабилитировал.

В 1990 году работал советником председателя Ленсовета А.Собчака. И уже в 1991 году написал об этом книгу, прочтя которую каждый поймет: подобное произведение, как и саму гражданскую позицию автора, любая власть, а тем более «демократическая», оставить без внимания и последствий просто не могла. Правда, сперва «собчата» пытались поступить «по-хорошему» и «предложили» Ю.Шутову рукопись не издавать. Затем 4 октября 1991 года, тайно проникнув в его квартиру, хотели найти ее и украсть, но автор внезапно и очень некстати явился домой. На него тут же напали и принялись убивать. Однако, несмотря на тяжелейшее ранение, он все равно выжил. Тогда было решено, сфабриковав обвинение, бросить Шутова в тюрьму. Поэтому, как только после госпиталя Шутов стал самостоятельно ходить, его тут же арестовали по «подозрению» во многих нераскрытых и даже, как впоследствии выяснилось, вообще не совершенных преступлениях. Среди оперативников, участвовавших в аресте, Ю.Шутов сразу же и безошибочно опознал своих убийц, забравшихся в октябре 1991 года в квартиру и напавших на него. Это, как оказалось, были офицеры милиции из питерского РУОПа (регионального управления по борьбе с организованной преступностью) Дмитрий Милин и Сергей Цуцуряк, а также их сообщники И.Турков и И. Цыганок. Видя, что их узнали, они, ничуть не таясь, хохотнули своей жертве прямо в лицо, выразив сожаление, что не добились при первой встрече.

Шельмовать автора было поручено целой группе «выдающихся» следователей ГУВД, имеющих бесценный опыт фабрикации ложных обвинений, среди коих: подполковник бывшей советской милиции, господин Канцельский Мойша Самуилович – плаксиво-канючащий на допросах, едко-дымящий фальсификатор-затейник; не бреющийся майор Пашенко – разящий перегаром с запахом свежеподпрелой собаки, и майор Шубов Абрам Моисеевич, всеми подозреваемый в мздоимствах, с ухоженными пилочкой ногтями, курящий только «Мальборо» в количествах, резко не соответствующих его зарплате. Впоследствии его послали в Израиль делиться опытом.

Прикрывал эту «правоохранительную» банду тогдашний первый заместитель городского прокурора Большаков – вечно мокрогубый, со всхлипывающим и, вероятно, оттого красноватым, длинным, острым носом промеж снисходительно-доверительных глаз вокзального карманника, внешне похожий на Дуремара из сказки о Буратино. Рядом с ним постоянно отирались, исполняя руководящие прихоти по глумлению над Законом, его верный ученик – прокурор Винниченко, да постоянно полупьяный помощник городского прокурора Осипкин.

Эти чиновники в мундирах давно объелись плодов вседозволенности и безнаказанности, поэтому азартно, наперегонки стремились погубить любого попавшего им в лапы человека, как звери, вкусившие людской крови.

Ю.Шутов не очень удивился, когда они попытались обвинить его в самых громких убийствах тех лет, как, например, расстреле литовских пограничников в Медининкае; организации покушения на тогдашнего президента Азербайджана Эльчибея; поджоге гостиницы «Ленинград»; разных разбоях и прочей жути.

Следствие тянулось два года. После полутора лет изнуряющих допросов городской судья Н.К. Шилов своим решением распахнул двери тюремной камеры и выпустил Ю.Шутова на свободу. Тем самым, по сути, признав незаконным содержание писателя под стражей.

Спустя несколько лет, весной 1996 года, такой же вывод сделал председатель суда Выборгского района Санкт-Петербурга А.Я. Штурнев, который, тщательно разобравшись, вынес окончательный приговор, оправдавший Ю.Шутова по всем пунктам выдвинутого обвинения и тем самым доказавший абсолютную надуманность и лживость уголовного дела, состряпанного подонками в погонах.

В 1993 году, выйдя до суда на свободу, Ю.Шутов, невзирая на готовящуюся расправу, тут же издал законченную им в тюрьме вторую книгу про Собчака¹. Ознакомившись и с этим произведением автора, любому читателю станет ясно: в условиях современной «демократии» сам факт выхода в свет книги подобного содержания сводит на нет шансы писателя даже просто остаться в живых. Следует особо подчеркнуть: эти свои книги Ю.Шутов писал в 1991-1992 гг. Сейчас же, читая их, прежде всего поражаешься удивительной точности совпадений прогнозов автора с реальным ходом последующих «демократических» преобразований и «реформ», полностью разрушивших экономику и наше государство.

С 1996 года автор бесценно возглавлял региональную Комиссию Госдумы по анализу в Санкт-Петербурге и Ленинградской области итогов приватизации и ответственности должностных лиц за ее негативные результаты. Ю.Шутову удалось собрать обширный фактический материал, убедительно доказывающий грабительскую суть произведенного приватизацией разгрома страны.

В 1998 году Ю. Шутов стал готовить к выпуску еще одну свою новую книгу из серии «Ворье». В ней описана т. н. «приватизация», поименно названы ее организаторы и наиболее «удачливые» участники-исполнители, которые, узнав о грядущем выходе такой книги под названием «Как закалялась шваль», тут же пригрозили автору убийством либо очередным арестом. Кроме них жаждали расправиться с Ю.Шутовым те, кому не удалась фабрикация ложного обвинения в 1991 году и кого автор все последующие годы пытался привлечь к уголовной ответственности за совершенные ими преступления. Но тщетно. Ибо слишком высок уровень коррумпированных и корпоративных связей между городской прокуратурой, ГУВД, РУБОПом и криминальным миром.

Поэтому, невзирая даже на прямое личное опознание Ю.Шутовым старших офицеров РУБОПа, пытавшихся писателя убить, они все равно остались на своих постах и вдобавок росли чинами. Сотрудник же горпрокуратуры С.Капитонов, расследовавший дело о нападении руоповцев на Шутова, как-то, отведя глаза в сторону, прямо сказал, что привлечь их к ответственности все равно не удастся, чего бы они ни натворили. Однако Ю.Шутов не смирился и в декабре 1998 года, будучи избран депутатом питерского Законодательного собрания, опять потребовал наказать бандитов и фабрикаторов, прекрасно сознавая, что уверенные в своей безнаказанности чиновники в милицейских и прокурорских мундирах крайне опасны для людей и общества.

Видя бескомпромиссную решимость автора добиться правосудия, высокопоставленные заказчики решили вновь сфабриковать еще одно ложное обвинение, причем теми же силами горпрокуратуры и РУБОПа, что и было поручено уже упомянутому прокурору Винниченко и ставшему за это время начальником 4-го отдела РУБОПа С. Цуцуряку с его опербоеккой. На сей раз им велели представить Ю.Шутова «организатором» всех громких убийств в Санкт-Петербурге, а также «руководителем» какой-нибудь банды.

16 февраля 1999 года Ю.Шутова спешно арестовывают и запрятывают аж в новгородскую тюрьму, подальше от посторонних глаз. Одновременно подручные Винниченко стали

¹ В данном издании первая и вторая книги Ю. Шутова сведены в одну. – *Прим. ред.*

вовсю куражиться по телевидению и в газетах, всячески черня и поганя свою жертву. Саму же фабрикацию ложного обвинения поручили тогдашней зам. начальника отдела горпрокуратуры Н.Литвиновой. Она тут же обнародовала свои фантазии о якобы причастности Ю.Шутова ко всем громким городским преступлениям вообще, что на самом деле являлось результатом лишь обычного для весны обострения ее хронической паранойи.

Организаторы очередного ложного обвинения прекрасно понимали: до воистину праведного суда их фабрикацию доводить никак нельзя, иначе получится то же самое, что произошло 16 ноября 1999 года, когда спустя 9 месяцев после ареста Ю.Шутова настоящая судья Н.Петренко признала незаконность содержания его под стражей и тут же выпустила писателя на свободу. Однако в судебный зал сразу же ворвались автоматчики в масках, разбросали присутствовавших, переколотили всю судейскую мебель, избили только что освобожденного депутата городского Законодательного собрания Ю.Шутова и, сломав ему позвоночник, уволокли обратно в тюрьму. Телерепортаж об этом, по сути, вооруженном захвате суда многожды транслировали по всему миру. Дабы впредь по окончании следствия не допустить правосудия, специально отобрали нужного исполнителя, на роль которого заказчикам ликвидации писателя сгодился городской судья А.Иванов. Ему и поручили вынести уже давно предрешенный приговор...

Одновременно заказали умертвить депутата прямо в тюрьме посредством лишения столь необходимой тяжело больному писателю медпомощи, а то и просто при перевозке, инсценировав, к примеру, «попытку бегства». Эту перспективу злорадно обрисовал Ю.Шутову прямо в день ареста все тот же рубоповец Цуцуряк, известив автора книг, что он уже, собственно, умер, а задержка похорон – чистая формальность. Арестованный писатель все же умудрился о спланированном убийстве поставить в известность тогдашнего горпрокурора И.Сыдорука, хотя прекрасно понимал, что тот даже не откликнется. Но ни шантажом, ни тюрьмой, ни судебной расправой, а также вероятностью убийства настоящего человека не сломить.

21 ноября 2006 года Юрий Шутов приговорен судом к высшей мере наказания, т. е. пожизненному лишению свободы...

Глава 1. Начало. 1990 год

Все живут в Ленинграде и пока еще в СССР, а страна уже клокочет пеной, как повсюду уверяют, «самых демократических» выборов в Советы народных депутатов разных уровней. Растерянность властей чувствуется во всем.

Уже появились, надо полагать, впервые с незапамятных революционных времен, не заполненные вакансии в ОК и ГК КПСС в Смольном, а тех, кто продолжает там служить, также вновинку, постоянно травят в общественном мнении.

Уже не хватает калибра у исполкома Ленгорсовета для поражения противников на социально-бытовом фронте.

Уже не только на предвыборных собраниях, где кандидаты дружно состязаются в любви к народу, а всюду и открыто забавляются язвительной критикой правительства СССР как в целом, так и поименно.

Уже Сашу Богданова, к его огромному сожалению, никто не арестовывает за «хулиганство» при продаже-раздаче своей газетки «Антисоветская правда», а созданный им самопальный образ «борца с коммунизмом» быстро тускнеет и линяет в связи с отсутствием противников.

Уже отважный Невзоров рискнул первым обвинить в покупке по дешевке подержанного «Мерседеса» только что спроваженного в отставку главу Ленинградского ОК КПСС Ю.Соловьева, с которым еще совсем недавно, будучи в Ленинграде, взасос целовался генсек Горбачев, прерывавший это достойное занятие лишь беседами со случайно подвернувшимися прохожими. После невзоровской телепередачи бывшего первого секретаря обкома тут же лихорадочно исключил из партии им же вскормленный преемник, в недавнем прошлом ленинградский «главхимик» Б. Гидаспов, который чуть позже вдруг обнаружил, что любая цена покупки машины никоим образом не вяжется с приверженностью идеалам партии и уж тем более не может противоречить требованиям Устава КПСС.

Уже воздух официальных коридоров и кабинетов директивных органов пропитался беспокойной страстью к новым ощущениям, к авантюрам, к политическим переодеваниям. Страх за будущее у всех притупился, а развал устоев не огорчал, а веселил.

Это было время начала того хаоса, который предыдущие несколько лет, умело лавируя, маскируясь и обманывая всех и вся, скрупулезно подготавливали, по камешкам разрушая геополитическую структуру, трое, вероятно, хорошо оплаченных агентов «всемирного правительства»: Горбачев, Яковлев и Шеварднадзе. Они сеяли кругом ненависть ко всему прошлому и взаимные подозрения современников. Но конспирация их была настолько профессиональна, а разработанный в заграничье сценарий операции по уничтожению нашей страны настолько безупречен, что во всеобщем стремлении к преобразованиям об этом никто не догадывался.

* * *

Я решил выставить по месту жительства свою кандидатуру в городской Совет от коллектива 48-го грузового парка, прославившегося впоследствии автоманифестацией на площади у Мариинского дворца в поддержку борьбы Собчака с депутатами и первым городским мэром Щелкановым.

В клуб Балтийского завода, что на Васильевском острове, я забрел не то чтобы случайно, но при этом без особой нужды. Там была встреча избирателей территориального округа с кандидатами в депутаты Верховного Совета Союза.

Среди претендентов, выставившихся на обозрение публике, мое внимание привлек высокий человек с иксообразными ногами и горьковской, ходульной, размашистой походкой пожилой цапли, а также цепким, я бы сказал, каким-то вороватым взглядом странно посаженных глаз. Он постоянно улыбался, делая вид, что разглядывает зал, но было заметно напряженное внутреннее сосредоточение. Я не мог вспомнить его фамилию, хотя видел, как он беседовал с Б. Курковой по телевидению в «Пятом колесе». А однажды, зачем-то попав к Василеостровскому метро, даже отметил среди спящих людей этого типа с мегафоном в руках. Там он, подхихкивая и шмыгая красным на ветру носом, убеждал всех активно включиться и помочь ему одолеть в предвыборной схватке противных кандидатов. Подобная форма агитации за самого себя была сногшибательной новацией, однако особого энтузиазма в среде озабоченных своими проблемами людей явно не вызвала.

После довольно утомительной череды кандидатов, клявшихся с клубной сцены в любви к присутствующему народу, дошла очередь и до него.

Он довольно быстро и толково поведал уже осоловевшей публике, что является профессором, а не рабочим, как перед ним выступавший. Далее сообщил, что добился в жизни чего хотел: заведует кафедрой в университете, вполне счастлив и благополучен. И вот теперь поставил перед собой задачу сделать всех такими же счастливыми, как и сам. Это, по его словам, явилось единственной причиной, заставившей выставить свою кандидатуру в парламент (название тогда еще непривычное и создававшее впечатление, будто речь шла об Англии). Все это кандидат говорил с лекторским, академическим, неспешно искренним превосходством, поэтому, если бы аудитория состояла сплошь из студентов, то для получения зачета в дальнейшем была просто обязана ему поверить. Правда, тогда еще никто не читал его книгу «Хождение во власть», написанную значительно позже, где в качестве основного и, вероятно, действительно правдивого мотива, толкнувшего профессора в депутаты, им была названа недорогая бутылка коньяка, на которую сам, мол, поспорил со случайно встреченным в университетском коридоре партфункционером.

После своего информационного выступления этот кандидат поведал о личных, сокровенных мечтах, которые собирается непременно реализовать, сделав безмерно счастливыми тех, кто его изберет.

Нужно отметить: такая непринужденная, а главное, «непривычно» стандартная манера погрезить со сцены, безусловно, выделила этого «мечтателя» из довольно безликой массы остальных кандидатур. Фамилия его была Собчак.

Впоследствии я много раз видел его использующим полученный им депутатский мандат как право поговорить с любой трибуны. Однако это, самое первое слышанное мною выступление запомнилось больше всех, возможно, просительностью интонаций и еще полным отсутствием презрения к слушателям.

* * *

На встречу в гостиницу «Ленинград» Собчак приехал как-то под вечер в шапке из меха то ли беспородной рыжей собаки, то ли подкрашенного волка, вкуче со старомодным драповым пальто с накладным карманом и женой.

Вместо обычно полагававшихся полупустых ознакомительных разговоров он сразу предложил мне, чем вызвал мою симпатию, переговорить о возможном сотрудничестве в дальнейшем. Ибо, как он выразился, много обо мне слышал.

Ко времени нашего знакомства Собчак уже стал депутатом Верховного Совета СССР, а те лидеры, портреты которых мы носили на демонстрациях, дерзко обзывались им с парламентской трибуны «якутами», «адыгейцами» и разными «наперсточниками».

Его личный приезд и внимание, безусловно, мне польстили, но представить себе сферу взаимных интересов я затруднялся.

В гостинице «Ленинград» на десятом этаже до пожара был очень уютный ресторанчик «Петровский», где прекрасно готовили одни и те же блюда, которые, как правило, съедали одни и те же люди, и поэтому ошибиться в выборе еды было нельзя. Зал представлял собой укромное место с русопятым ложечно-балалаечным оркестриком и постоянными барышнями, которых хмель из бутылок приручал, а не раскручивал. В общем, для обстоятельного, но не делового разговора лучшего уголка в ближайшей округе было не сыскать.

Мы поднялись наверх и заняли вдаль от окружения уютный столик с прекрасным видом на Неву, залитый огнями город и крейсер «Аврору». Я заказал все, чем славилась местная маленькая кухня. Причем, пока мы подымались в ресторан, мой помощник позвонил и столик успели уже накрыть. Это, как я заметил краем глаза, было весьма высоко оценено Собчаком, видимо, раньше посещавшим рестораны крайне редко, в основном с целью что-нибудь отметить.

Собчак немного выпил, но все съел. Его жена, Людмила Борисовна Нарусова, как-то странно манерничала, явно еле сдерживая провинциально-местечковую суетливость, когда пыталась использовать для взятия хлеба только большой и указательный пальцы обеих рук, все остальные сильно растопыривая в разные стороны. При этом беспричинно улыбалась, если замечала, что кто-нибудь смотрит в наш угол. То было время, когда у нее в гардеробе еще не висело сразу несколько дубленок, этого символа классических понятий бескрайних периферийных российских просторов о «роскошной» городской жизни.

Закончили мы первый ужин довольно поздно. Чтобы исключить обычную в таких случаях неловкость, я заранее рассчитался с официантом.

Проходя через уже готовившийся к полному расходу зал, по которому слонялись погрязшие в ресторанной ревности и блюде барышни, Людмила Борисовна, ловя взгляды окружающих, нервно покусывала свой газовый шарфик.

Домой ехали на моей машине. Оказалось, что мы живем на одной улице. Дома наши стояли рядом, и оба – малоудобные «корабли». Я засунул в автомобильный магнитофон кассету с записью Баха в современной аранжировке и сильным, чистым звучанием. Время пути было раздавлено космической музыкой. До самого дома мы молчали. Лишь изредка Собчак косился на меня, сидящего за рулем. У парадной, не выходя из машины, Анатолий Александрович напрямую заявил, что пытается собрать команду единомышленников, пока, правда, неизвестно для чего, но если я соглашусь, то он предлагает мне в нее войти. Поблагодарив за доверие к малознакомому человеку, я выразил желание в дальнейшем уточнить задачи и определиться с кругом своих предполагаемых обязанностей. Путеводная звезда этого профессора уже была видна невооруженным глазом. Зовется эта звезда властью.

* * *

Через несколько дней мы встретились вновь. Он опять приехал ко мне. На этот раз один. Снова решили поужинать, но сегодня говорил Собчак. Я жевал и слушал.

Многие сидящие в зале уже с почтением признали в моем собеседнике пламенного солиста нового союзного парламента опереточного созыва. Он тоже с удовлетворением взирал на зеленую поросль молодых побегов своей завтрашней бешеной популярностью, еще не будучи пренебрежителен к пришедшей в дальнейшем славе.

Нашу беседу прервал какой-то армянин в кожаной черной куртке и галстуке «бабочка-регат» расцветкой под американский флаг, что явно не гармонировало с общепринятой нормой поведения в этом ресторанчике нарочито русского стиля. Он подскочил и, поставив на наш стол бутылку коньяка, обратился в зал с пылкими словами благодарности к скромно сидя-

щему Собчаку, который, по словам армянина, прямо на сессии Верховного Совета чуть было не подарил свой депутатский мандат, «это единственное бесценное сокровище, какое у него имеется», земляку владельца коньяка, в знак солидарности с борьбой армянского народа против азербайджанского засилья в Степанакерте, откуда ресторанный гуляка оказался родом. При этом армянин, отвернувшись, махал в нашу сторону руками, а так как Собчак сидел спиной к залу, то все уставились почему-то на меня. Несмотря на то что выходка владельца «бабочки-регата», похоже, пришлась Собчаку по душе, я все же шепнул метрдотелю, чтобы он впредь исключил сервировку нашего стола чужим коньяком, а также воспрепятствовал организации межнациональной драки в случае нахождения в ресторане азербайджанцев.

Из обстоятельного застольного рассказа Собчака выходило, что мой собеседник родился в 1937 году в Чите, а вырос где-то под Ташкентом, и в Узбекистане у него целый полк всяких саранчеподобных родственников, которые, если он по-настоящему встанет на ноги, смогут задушить его своим провинциальным вниманием.

Следует отметить, он не ошибся. В дальнейшем мне не раз пришлось по команде «патрона» вводить в заблуждение его родственников, которые после избрания Собчака председателем Ленсовета тут же примчались привиться на ленинградскую землю, требуя себе квартиры, работу и еще черт знает что.

В Ленинград Собчак, оказалось, приехал на заре своей узбекской юности и, как ни странно было для него самого, с ходу поступил в наш университет.

Быстро пронеслись годы учебы, и его в качестве адвоката распределили в Ставрополье.

Тут можно подчеркнуть: я от Собчака никогда не слыхивал широко разрекламированную «демократическую» прессой трогательную, полную сугубо партийных красок историю функционерной дружбы двух, в будущем знаменитых, покорителей ставропольского Скрижимента: Горбачева, тогдашнего комсомольского вожака края, и юриста Собчака, который, как уверяли демгазеты, тоже был комсомольским функционером, но только якобы районного пошиба.

Полагаю, и не без оснований: об этом «подлинном факте» своей биографии Собчак сам узнал из газет. Мне же он рассказывал, что в первый раз ему удалось приблизиться к главе партии и государства Горбачеву на неохраняемую, но строго контролируруемую дистанцию лишь в Москве, и уже после Первого съезда Верховного Совета СССР. Тогда Горбачев, к волнительному ознобу Собчака, обратил свое высочайшее внимание на депутата от Ленинграда, одного из семидесяти двух областных центров РСФСР, любившего выступать против членов советского правительства с компроматом личного характера. При этом Собчак говорил без бумажки и законченными по смыслу фразами, что самому Горбачеву не всегда удавалось. На первых порах генсеку полюбился этот депутат, и он даже предложил Собчаку место в своей свите для поездки в Китай. Вероятно, предполагая там его показать как «образец нового мышления».

После отчаянной адвокатской борьбы за «максимальное использование» ставропольского клиента в своекорыстных целях, Собчака неудержимо потянуло назад, в Ленинград, ставший уже близким в студенческие годы. Закончив аспирантуру, он так и прослужил в университете до последнего времени, постоянно сражаясь за выживание, а также перебиваясь случайными заработками за читку лекций в школе милиции и разных ленинградских ПТУ.

Тут мы с ним вспомнили моего знакомого и, как оказалось, его учителя Иоффе, который уже давненько откатился вместе с эмиграционной волной в Америку, где, по рассказам Собчака, преуспевал. Помню, когда уже во время совместной службы Собчак первый раз съездил в Америку и нашел там своего наставника Иоффе, «преуспевающего» на 150 000 долларов в год за несколько лекций в неделю, то ученику потребовались огромные усилия и личное мужество, чтобы заставить себя возвратиться назад в СССР, настолько он был заморожен продемонстрированной учителем перспективой.

Когда же Собчак мне поведал, что в КПСС ему удалось вступить лишь в 1988 году, всего за год с небольшим до нашей встречи, то стало ясно: служба в университете тоже не была

для него такой уж безоблачной, как он уверял избирателей в своих выступлениях. В общем, в его ресторанном повествовании улавливались нотки неудовлетворенности жизнью и могучее желание теперь все наверстать за счет нерастраченного запаса повелевать, ранее сдерживаемого необходимостью пресмыкаться.

Было видно: Собчака уже неудержимо втянуло в водоворот борьбы за власть. Находясь пока еще у самого края этой воронки, не имея знаний и опыта, а также самого понятия, что делать с властью и как ее удержать, он все равно, полагаясь лишь на собственную интуицию, безрассудно смело лез к ней в опочивальню. Думаю, Собчак не до конца отдавал себе отчет в том, что власть эта деликатна и хрупка. Ее нужно держать, как птицу, крепко и осторожно, иначе либо раздавишь, либо улетит. Мир жесток. Даже проработав всю жизнь в одном лишь университете, он наверняка понимал: выжить можно, лишь карабкаясь вверх. Остановишься либо споткнешься – сразу затопчут. И в этой борьбе каждому нужны надежные помощники. А чтобы помощник не предал и был на все готов ради победы, желательно его подобрать в пыли, в самом низу. Тогда, если потеряет все «патрон», то одновременно всего лишится и помощник, став никому не нужным. Подобный способ подбора помощника стар, как мир: ведь только так можно обеспечить гарантию его преданности.

Судя по теплым интонациям голоса при рассуждениях о нашей будущей совместной деятельности, Собчак рассчитывал на нее всерьез. Когда мы уже подъезжали к его дому, я сам завел разговор о том, что созрел для принятия решения, но прежде хотел бы поставить три условия, причем независимо от будущей должности, которая, в принципе, была мне безразлична, поскольку почти весь номенклатурный набор был мною изведен в возрасте, когда Собчак еще штурмовал аспирантуру.

– Какие условия? – насторожился Собчак, заметно нехорошо покосясь на меня.

– Первое, – сказал я, не обращая внимания на его реакцию, – за мной будет бесспорное право говорить вам то, что думаю и знаю, а не то, что бы вы хотели услышать. Второе: вы также будете обязаны выкладывать мне всю информацию, известную вам про меня, какой бы нелепой и ужасной она ни показалась. При этом сразу требовать моих объяснений, не давая развиваться интриге. Ибо даже в известных истинах есть место недомолвкам.

Видя его вопросительный взгляд, пришлось пояснить: «Вы зовете меня вступить в борьбу, где правила декларируются только для видимости, а также обмана и расслабления противника. Поэтому наиболее надежных и сильных помощников будут сразу же пытаться выбить из игры, а затем дискредитировать самыми немыслимыми средствами и способами. Если мы не станем абсолютно доверять друг другу, то последствия таких отношений на достаточно высоком уровне непредсказуемы, а вред неопределим. Лучше уж тогда не начинать дело... И третье: я хочу всегда быть уверен в вашей поддержке. Так как в самых критических, острых ситуациях я должен буду, образно говоря, прикрыть вас своей грудью, но если при этом вы откроете мою спину, то одним помощником у вас сразу станет меньше».

Остановились у дома. Сидели в машине и молчали. Под ногами редких прохожих похрустывала весенняя корочка ночного заморозка. На лобовом стекле заварилась ледяная накипь из тончайшей пыли. У помойки стоял желтый бульдозер диких размеров, вокруг него тыкался какой-то мужик, влекомый позывами мочевого пузыря. Он сквернословил и кому-то грозил.

Собчак в попытке сформировать решение уперся сосредоточенным, немигающим взглядом в кожаные спины парней, вразвалку шедших вдоль дома, как стая молодых медведей.

Я же сидел, охваченный предчувствием будущей значимости своего пассажира, еще не окунувшегося в липкое облако небывалой известности.

– Вот, – первым заговорил Собчак, – такие, – он показал глазами в сторону парней, – и убивают. Подобные преступники – большая для общества опасность, – ни с того ни с сего изрек он, продолжая сосредоточенно думать о чем-то другом.

– Ну, во-первых, кто сказал, что они преступники, – вскинулся я, – для общества же, если говорить о нем, страшна не подобная публика. Даже самый гнусный изувер может угробить только несколько десятков человеческих жизней. Миллионами же убивают, как правило, те, кто кормит белочек с рук, кто добропорядочен, непьющ и не изменяет жене. Гильотину, как известно, выдумали не преступники, а гуманисты, полагающие, что кладбище на то и существует, чтобы туда постоянно поставлять мертвых. На основании сконцентрированного опыта многих поколений известно: именно эти люди со скипетром власти в руке страшнее всех людоедов и бытовых преступников, вместе взятых.

– Ну а как вы, Юрий Титович, относитесь к смерти? – Собчак демонстрировал мне свою беззащитную и так идущую ему улыбку, ставшую потом плакатной.

– Надеюсь, интервью уже подходит к концу? – поддержал я шутливый тон. – Что же касается смерти, то общеизвестно: из жизни, даже несмотря на богатство и заслуги, не удалось еще никому вырваться живым, поэтому бояться смерти, полагаю, не следует. Главное – не скончаться от безделья. А раз обойти смерть нельзя, то любить ее попросту невозможно. Смерть как кафтан. Когда он одет на другого, то это не очень впечатляет. В тот момент человек забывает, что этому кафтану износа нет. В общем, если будут убивать, то я предпочту не скулить. Этого не простят даже мертвому. Чтобы умереть человеком, надо даже палачу улыбаться...

Скажу по совести: даже чувствуя за Собчаком большое будущее, меня бы в тот момент вполне устроило непринятие им моих условий, ибо в свое время, уже пройдя почти всеми деловыми коридорам нашего города, я прекрасно сознавал: его согласие враз лишит меня приобретенной свободы, независимости и права делать чего захочу при наличии достаточного кружора, а также умения зарабатывать на жизнь себе и другим в современных условиях.

Ведь в случае его согласия придется впрячься коренным рысаком в чужую телегу, вступить в борьбу за неведомое будущее и в войну с собственным прошлым.

Я терпеливо ждал, пока Собчак водил пальцем по лакированной панели «Мерседеса». Наконец он широко улыбнулся и, протянув мне руку, сказал: «Идет! Условия принимаются».

Стало ясно, что капризная фортуна опять пытается затащить меня под свет новой рампы. После раннего взлета моей судьбы, а затем падения ниже уровня городской канализации, с завтрашнего дня нужно будет вновь кардинально менять свои жизненные интересы. Ибо плохо работать я не умел.

Скорее вежливое, чем необходимое предложение Собчака подняться к нему в квартиру и попить чайку встретило мой отказ, и разговор перешел на деловой, инструктирующий тон предстоящих задач.

Расставаясь, договорились, что наш союз обойдется пока без рекламы. Будущее светало и звало.

Глава 2. Финал советской власти

*«Скажу всем как профессор советского права...»
Из выступления А. Собчака на Верховном Совете СССР*

Довольно быстро я составил для себя представление о расстановке в городе основных новых политических сил с неслыханными доселе названиями: разношерстные «фронты», «фронды», «зеленые», «мемориалы» и т. п. После этого отправился на первый слет свежизбранных городских депутатов, которые сразу же окрестили себя «народными избранниками». Народ еще даже не подозревал, как с ним рассчитаются за доверие.

Почти заурядный снаружи Мариинский дворец подле Синего моста, самого широкого в Ленинграде, был построен в эпоху Николая I тогдашним казенным архитектором Штакеншнейдером и принадлежал любимой дочери царя, красавице, если судить по портретам, Марии Николаевне, жене герцога Лейхтенбергского. До революции тут помещался Комитет министров и Государственный Совет – высший законодательный орган империи. Внутри дворец блистал великолепной отделкой, лепными расписными потолками, роскошными инкрустированными дверьми с замечательными ручками и избытком настенных зеркал, помнивших отражение многих поколений российских государственных деятелей, среди которых были воспеваемые нынешними «демократами» Витте и Столыпин.

В бытность своей работы одним из руководителей Ленинградского областного и городского статуправления, я бывал в этом дворце почти ежедневно, поэтому прекрасно ориентировался не только в парадных, но и во внутренних, довольно запутанных деловых коридорах с многочисленными, достроенными уже в наше время переходами к другим рядом стоящим зданиям, объединенным одним названием: «Ленгорсовет» или пресловутый «Ленгорисполком».

Зайдя через левый подъезд и раздевшись в небольшом гардеробчике, я прошел около уже не требовавшего никаких документов милицейского поста; мимо беломраморной лестницы, ведущей на второй этаж к кабинету, много лет занимаемому отцом моего друга Олега Филонова; миновал коридор первого этажа и поднялся хорошо знакомой узкой служебной лестницей прямо в приемную к тогдашнему главе Ленгорисполкома В. Ходыреву, под началом которого когда-то работал в Смольнинском РК КПСС. Я всегда питал уважение к этому малолетнему, матерщинистому человеку с перманентной «плойкой» густых седоватых волос.

В приемной никого, кроме двух помощников Ходырева, не было. Один из них, В. Кручинин, мне тут же рассказал, как они добились у жителей пригородного Павловска избрания Ходырева своим депутатом. При этом оба как-то подавленно и нервно посмеивались и переглядывались.

Так, болтая, стоя за конторкой дежурного помощника, мы не заметили, как в приемную вихрем ворвалась, судя по бровям, перекрашенная в противоположный цвет женщина осеннего возраста и почему-то, несмотря на раннюю весну, в сарафане, из которого всем демонстрировались голые плечи, защищенные своей непривлекательностью. Окинув нас презрительным взглядом трудолюбивой проститутки, она молча рванулась в кабинет к Ходыреву.

– Куда? Зачем? Позвольте узнать, – преградил ей путь Кручинин.

Тут она, ни с того ни с сего, повела себя, как перегружаемый лопатами при факелах порох. По крайней мере, Кручинин с трудом понял из ее сбивчивого визга, когда и за что он будет уволен без выходного пособия и компенсации за отпуск.

Видя, как от непонятого нам волнения и разнофазных движений сарафан на ней начал проседать, я поспешил вмешаться, спросив, кто она будет и чем недовольна.

– Я народный избранник! – гордо взвизгнула она, нарекая себя еще только входившим обозначением депутата-«демократа».

– Правильнее, наверное, избранница, – поправил Кручинин, – но Ходырев, я думаю, сейчас занят. Он готовится к сессии.

– Если он меня немедленно не примет, мы его сразу же переизберем, – опять закричала депутатка.

На шум в приемную вышел сам Ходырев, кивнув мне, спросил, в чем дело.

– Вы, Ходырев, должны немедленно отправить правительственную телеграмму в Литву, в Вильнюс, с изъявлениями нашей поддержки литовского народа и «Саюдиса» в их справедливой борьбе за независимость, – выпалила одним духом сарафанная дама.

Даже привыкший ко всему Ходырев довольно обалдело воззрился на защитницу «Саюдиса»:

– Позвольте узнать. Независимость от кого?

– От русских!

– А вы, надо полагать, литовка?

– Нет! Я «демократка»! И разделяю их борьбу!

– Ну, так сами и отправьте телеграмму, – закончил Ходырев, как-то несолидно юркнув в кабинет и заставив нас продолжить разговор лишь глазами.

* * *

Тогда все еще только начиналось. Порой нелепо и смешно. В массовом порыве все кругом немедленно преобразовать и переименовать, причем на всеобщее благо, еще никто не усматривал близкую трагедию каждого в отдельности и страны в целом. Никому еще в голову не приходило, что, скажем, традиционные места отдыха на Черном и Балтийском морях вдруг окажутся за границей. Что «демократы» скоро разорвут в клочья великую страну и кровотокащими кусками, окрашенными в национальные цвета, станут подбрасывать другим государствам, желающим их сожрать. Что будут вынуждены сниматься с родных, но, как внезапно окажется, не «исторически-национальных» мест целые деревни и станицы, простоявшие сотню и более лет, сыгравшие тысячи свадеб под кронами посаженных садов, родившие и схоронившие в этой земле несколько своих поколений.

Пройдет немного времени, и все будет безжалостно оторвано от корней и могил, а на границах, за сотни лет щедро усыпанных костями русских пехотинцев, будут нести службу уже не наши пограничники, как и сами эти границы уже будут разделять чужие страны.

* * *

Первая сессия нового созыва должна была вот-вот начаться. Через приемную еще действующего секретаря исполкома Шитикова я вышел в ротонду – круглый зал, окаймленный прекрасной белой колоннадой и расписными стенами под стеклянным куполом крыши. Вход из этой ротонды вел в зал заседаний с великолепными потолочными фресками.

Ротонда гудела, как улей. Вокруг сновали и толкались почти поголовно небритые люди в странных для здешних мест одеяниях, с большими заплечными сумками наперевес, почему-то почти у всех одинакового черного цвета. Обладатели этих сумок, присланные сюда волей своих избирателей, бурно похлопывая себя и соседей по разным частям тела и восклицая, представлялись друг другу. Заметно было, что многие уже знакомы, судя по обрывкам их разговоров об участии в каких-то «фронтах». Некоторые непринужденно курили в кулак, поэтому дым шел через вязку растянутых на локтях, сильно заношенных пуловеров и свитеров. Казалось, не хватает только красных бантов, бескозырок, пулеметных лент, и можно немедленно начинать съемку небрежно одетой, без учета эпохи, массовой фильмой о революции.

Выносного буфета, который обычно в период сессий работал возле зала заседаний, на этот раз не было, возможно, по причине бескомпромиссной борьбы с привилегиями, объявленной предвыборными программами. Поэтому депутаты пили воду из-под кранов в туалете, точнее лакали без стакана.

Я поднялся на балкон ротонды. Сверху этот растревоженный улей выглядел еще более живописно. Какой-то депутат в ермолке, не обращая ни на кого внимания, но прикрывшись сумкой, вероятно, от конкурентов, пытался свернуть большой бронзовый набалдашник с великолепной старинной дверной ручки. В этой толпе вместе с бородатым подручным Гдляна передвигалась зигзагами, интригуя на ходу, владелица «Пятого колеса» в белой «обольстительной» кофточке с большим вырезом на несвежей, но сильно припудренной груди.

Работники исполкома, хорошо заметные на этом фоне, пытались по старинке заниматься регистрацией прибывших. Надо сказать, что ко времени созыва первой сессии новых избранников среди штатных работников оставались лишь те, кто обладал повышенной выживаемостью, независимо от политического режима.

После нескольких звонков, затаптывая «хабарики» прямо на блестящих лаковых паркетах, толпа потянулась в зал заседаний для рассадки.

Место президиума, согласно традициям и протоколу, занял еще не переизбранный Ходырев, чем сразу вызвал бурную реакцию зала, хором потребовавшего, чтобы он нашел себе стул в общих рядах парттера. Затравленный Председатель исполкома, ни на кого не глядя, под одобрительный гул народных депутатов сошел вниз и сел в первых рядах. Вокруг него кресел на пять сразу же образовалась пустота. Даже самые «надежные» его подчиненные постарались смешаться с толпой. В глазах Ходырева осела усталость от разочарования в людях. Подле последнего советского мэра только один помощник лебезил из последних сил.

Одним из первых на трибуну поднялся человек с хорошим лицом и пегой, стриженной под старорусского купца, хрестоматийно-лопатообразной бородой. Это был Петр Филиппов, избранный депутатом одновременно городского и республиканского советов. В тот период, кроме двух мандатов, он еще являлся владельцем довольно тускловатой биографии, что высоко ценилось его сподвижниками, а также имел какой-то кооператив типа «Металлофурнитуры» в купе с личными парниками. Этот мандатовладелец был пытлив, умен и кое в чем сведущ.

Филиппов пописывал статейки в журнал «Эко»; когда-то работал механиком в гараже и даже умудрился быть отчисленным из очной аспирантуры за «профессиональную непригодность», что, бесспорно, свидетельствовало о его потрясающих способностях, ибо кто знает наши очные аспирантуры, да еще экономического профиля, тот поймет всю уникальность подобного мотива отчисления.

В дальнейшем Петр Филиппов выдвинулся в Верховный Совет, где стал одним из «выдающихся» теоретиков развала экономики страны на переходе к «рынку» и автором ряда программ экономических преобразований для ускорения крушения социализма. По пути он заделался совладельцем газеты типа «Невское время» и нескольких «приватизированных» им предприятий. Внешне, даже среди этой публики, он умудрялся выделяться всегда не глаженными брюками, потертым воротом рубашки и грузно набухшим, под стать купеческой бороде, животом.

Филиппов у меня всегда чем-то вызывал неуловимую симпатию. Прекрасно видя поставленные им личные алчные цели по овладению чужой собственностью и неистребимое желание стать за счет обворовывания других очень богатым человеком, я всегда с искренним изумлением следил за его демагогическими парламентскими ходами, искусно камуфлирующими основную стратегическую линию захудалого хищника. Bravo, Петр!

В первый раз выйдя на трибуну в Мариинском дворце, Филиппов поведал о больших заслугах Народного фронта, который он здесь собрался представлять. Своим заявлением Петр тут же обнажил трещину в отношениях между собой и другим видным пожилым народно-

фронтовцем, Мариной Салье. Эта трещина затем превратилась в пропасть, что нами позднее было использовано для становления и укрепления Собчака. После своего сольного номера Петр Филиппов довольно толково повел эту «вольнодумную» сессию-слет.

Был избран президиум, разумеется, без окончательно подавленного Ходырева, и предложено немедленно создать много разных, но абсолютно «независимых» депутатских комиссий. Слово «независимость» в разных вариантах очень часто употреблялось в тот день. У меня создалось впечатление, что независимыми называют себя все те, кто не знает и не желает знать, от кого зависят.

После небольшого перерыва трибуна стала местом паломничества всех, кто хотел перед телекамерой посостязаться с другими в любви к народу. Словесная накипь бушевала много часов кряду. Все пускали радужные пузыри, уверяя о наконец наступившем с их приходом «светлом будущем». В общем, крутили одно и то же яйцо, демонстрируя его со всех сторон, но обещая, что обязательно найдут новую форму. Трибуна изнывала от неистовства обещавших. Были призывы одним махом покончить с «бесплатным» социализмом, так как бесплатной, как уверяли выступавшие, может быть только радость, и при том почему-то неискренняя.

Один депутат с не поддающейся классификации черной, смоляной, асимметричной бородой под роговыми очками предложил путь к полной независимости разбить на два последовательных этапа, с использованием первого как возможности обретения сначала всеобщей душевной независимости через исповедуемую им лично, а посему сугубо индивидуальную религию.

К пузырьку микрофона прикладывались все новые и новые люди. Ходырев и подсевший к нему, вероятно, самый храбрый или просто отчаянно-порядочный его заместитель дико озирались.

Молодые, но уже «гениальные» депутаты предлагали тут же начать творить новые законы, ибо старые обязаны, по их мнению, умереть вместе с прежними законодателями. При этом они уверяли, что всякое начало должно иметь скорое продолжение, иначе никто не заметит самого начала. Их всех мучила жажда силою новых законов сразу сделать народ счастливым.

Затем вырвался на трибуну Валера Добриков, которого я знал много лет как неплохого парня. Он был смел, дерзок, неопрятен в помыслах и любил играть с опасностью, что могло привести к естественному финалу. Смысл его выступления сводился только к стремлению быть замеченным. Это лишний раз убеждало: чем сильнее гласность, тем слабее слышимость.

Тридцатисемилетний очный аспирант Саша Беляев, избранный после Собчака председателем Ленсовета, как-то спокойно выступил и, в отличие от многих, без истерики дал всем понять: главное в идее – ее провозгласить, а что же касается реализации, то это дело второстепенное. При этом Саша всем намекал на необходимость повышения собственного достоинства обязательно прямо пропорционально увеличению личной собственности. В заключение он заявил, что наша «демократия» самая «демократичная». И даже пытался прогнозировать, но как-то однообразно, типа «чем дольше падение, тем позднее будет удар, и поэтому разуму лучше уступить силе». Лишь тогда, по мнению Беляева, можно будет победить силу. О какой и чьей силе шла речь, я не понял. Вообще-то, в самом Беляеве просматривалась какая-то скрытая гипнотическая сила, замешанная на зачатках сумасшедшей мании величия. Выступая, он делал слишком длинные паузы, будучи уверен, что многоголовая аудитория безголовых чего-то хочет от него услышать. Но большинство собравшихся отрицало все, включая Президента страны.

В этой компании плебеем считался любой, кто признавал, что есть патриции. А врагом объявлялся каждый пользующийся закрытым буфетом. Наличие же общих врагов, как показал дальнейший опыт, сразу объединяло все депутатские фракции и группировки, а отсутствие противника сеяло между ними раздоры с неприязнью. Поэтому я понял: враг просто нужен. Без него им невыносимо жить.

К самому концу огласили призывы создавать кроме комиссий всяческие движения и печатные органы. Рекомендовалось также разрушать и искажать все, что может быть разрушено и искажено. Разные глупости тут же передавались по телевидению со скоростью света.

Под занавес этой сессии был определен «единственно верный курс» в абсолютно неизвестном направлении, и, кажется, закончился этот шабаш избранием комиссии по приемке-передаче дел от старого состава исполкома. Возглавил комиссию, по-моему, депутат Гапанович (Гапанович это фамилия).

Подавленный «грандиозностью» виденного, я долго сидел в машине с работающим мотором около дворца, пока ко мне не подошел Саша Беспалов из организационного отдела Ленсовета и спросил, какие у меня проблемы. Проблема была одна: я не мог очухаться. Несчастливая Родина-мать! Я сознаю свое ничтожество, но и мне ясно, что ты, похоже, тяжело заболела. Может, тебя поразила злокачественная любовь к «демократии»? Или у тебя шизофрения, раз ты хочешь свой народ пустить по миру? Ведь изменение образа его жизни – это, как замена религии, возможно лишь насильем. Мирный же путь исключен. Дальнейшее существование всего, что удалось создать за 70 с лишним советских лет, сохранить и приумножить было поставлено сегодня под угрозу и сомнение. Похоже, ты проиграла в умной борьбе с другими странами за обладание душой собственного народа. Чем я могу помочь тебе? Я не знал.

* * *

Когда мне пришлось поделиться с Собчаком впечатлениями об этом слете и слетевшимся на него, он, к моему удивлению, долго и странно удовлетворенно смеялся.

В последнее время Собчак почти безвылазно находился в Москве, гарцуя на заседаниях Верховного Совета, но, главное, пробивая себе квартиру, при этом ссылаясь на то, что жить в гостинице вместе с постоянно пьяными коллегами-депутатами он, малопьющий, не в состоянии.

Глава 3. Выбор идола

Москва! Как много в этом звуке для сердца...

Если бы в то время кто-нибудь сказал, что скоро для гулянки по случаю еврейского национального праздника будет арендован Кремлевский Дворец съездов, название которого даже в газетах писалось с больших букв, то, надо полагать, этот «предсказатель» мог бы получить по политическому сусалу за разжигание антисемитских настроений.

Тогда еще никто не интересовался «девичьей» фамилией лидера столичных «демократов», московского «грека» Гавриилы Попова.

Еще никто не обращал пристального внимания на изменившиеся повадки Горбачева, который вдруг перестал интересоваться ходом строительства своей летней резиденции на берегу живописной бухты в абхазской Пицунде. С окончанием этой стройки он все время лично торопил, и вдруг... Его также перестала интересовать внутрипалубная отделка черноморской яхты на манер императорской «Полярной звезды». Уже и Раиса Максимовна перестала выезжать для демонстрации своего шубного гардероба перед изумленно-восторженными обитателями нашей глубинки, еще сбегавшимися на этот праздник моды.

Эта чета, одна из немногих в Москве, была прекрасно осведомлена о скором наступлении развязки в этой, поставленной западными режиссерами, национально-государственной трагедии, где в качестве сцены использовали территорию нашей, тогда еще огромной страны с ее трехсотмиллионным населением. Горбачев и его малочисленная группа, в простонародии названная шайкой, обеспечила полный аншлаг, а доход от этого геополитического спектакля уже осел на личных счетах, открытых в зарубежных банках. «Заработанных» таким образом денег главному организатору теперь с лихвой хватит на покупку вместо Пицунды десятков резиденций на побережьях любых морей.

То было время, когда еще никто не сомневался в незыблемости нашей врожденной уверенности в своем завтрашнем дне, будущем своих детей и своей страны.

Еще не омывались окраины России приливами крови.

Еще никто не настаивал на переименовании наших городов. А Великую Державу не называли «бывшей страной СССР», лишив ее имени, гимна, флага и растоптав герб.

В ту пору еще все возмущались угрозой рыжковского Кабинета министров СССР поднять цены на 5-7%. И никому в голову не могла прийти мысль смиренно пережить скачок стоимости в сотни раз.

Еще не расплозились по остаткам СССР бог весть кем придуманные, но с сильным привкусом перевода с английского, так называемые «реформы», облепляя жиром и обволакивая взятками новую популяцию уже не советской бюрократии. И еще не начались широкомасштабные истребительные эксперименты над многонациональным народом, которые потом почему-то назовут «экономическими опытами молодого гайдаровского правительства», правда, опустят слова «над крысами», частенько употребляемые в слышанных разговорах между самими «экспериментаторами».

Еще никто не подозревал о существовании гениального плана, добротного сработанного на суперкомпьютерах Запада, по мгновенному и окончательному разгрому СССР с помощью имитации государственного переворота. Гениальность этого плана заключалась в том, что одновременно с уничтожением без единого выстрела огромного государства как мировой единицы в целом внутри него одним махом полностью ликвидировалась оппозиция. Попутно подымался дух народа. Укреплялось собственное положение победителей, и остатки страны с разных сторон поджигались разноцветными огнями межнациональных конфликтов. Единственный риск

заклучался в том, чтобы эта имитация не переросла в подлинный переворот, потому что, «если бы путч закончился удачей, тогда б назвали все его иначе».

Нужна была драка на сцене, но не в зале. А для этого необходимо было ювелирно подобрать время, совместив его с периодом традиционных отпусков и невозможностью быстрого сбора союзного парламента. Но тогда еще никто не знал, что это будет именно август 91-го. А победителей, к сожалению, не судят.

В то время, о котором идет речь, КПСС еще опиралась на шестую статью Конституции и не подозревала о скорейшей своей ликвидации, как и ликвидации самой Конституции СССР в целом.

Еще не улюлюкали весело «демократы» при виде уползающего с исторической сцены своего классового врага рабочего, который ими будет растоптан, обворован, обманут и ввергнут в голод.

Тогда коммунисты еще только готовились к своему последнему съезду, и никто из них не подозревал, что он будет завершающим, а потому аккордным.

Судя по моему разговору с секретарем Ленинградского обкома КПСС Владимиром Золкиным, наши городские делегаты собирались вновь избрать генсеком Горбачева, предвзвременно мягко, по-партийному пожурив его за «странный» ход этой «перестройки». Когда же я посоветовал Золкину выступить на съезде с предложением вообще исключить Горбачева из партии, он взглянул на меня уставшими глазами психиатра, уже закончившего прием больных.

Весь нейтральный мир поглядывал на нас с еще тщательно скрываемым гастрономическим интересом, и никто не пытался требовать пересмотра итогов минувшей войны или тихой сапой, по живому, отхватить от туши раненого гиганта какие-нибудь острова на востоке, горы на юге, либо обширные территории на западе, где братские могилы наших русских солдат преобладают на кладбищах аборигенов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.